

Гулевич В.А.*

ЗАПАДНОРУСИЗМ НА ТЕРРИТОРИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В данной статье рассматриваются малоизученные аспекты деятельности западнорусских деятелей на территории Польши и Северо-Западного края Российской империи из числа этнических поляков-католиков. Поскольку западнорусская идеология неразрывно связывается с православием и прорусскими устремлениями населения Северо-Западного края, причастность к данному политико-интеллектуальному дискурсу представителей польской интеллигенции практически не освещена ни в польских, ни в российских, ни в украинских, ни в белорусских источниках. Это происходит, как по причине слабой изученности этого аспекта (характерно для отечественных источников), так и по идеологическим соображениям (характерно для польских источников).

Ключевые слова: западнорусизм, Польша, Северо-Западный край, Российская империя, католицизм, православие

В даній статті розглянуто маловідомі аспекти діяльності західноруських діячів на теренах Польщі та Північно-Західного краю Російської імперії, у тому числі, серед етнічних поляків-католиків. Оскільки західноруська ідеологія нерозривно пов'язана з православ'ям та проросійськими устремліннями населення Північно-Західного краю, причетність до даного політико-інтелектуального дискурсу представників польської інтелігенції практично не висвітлена ані в польських, ані в російських, ані в українських, ані в білоруських джерелах. Це сталося, як з причини слабкої вивченості цього аспекта (це притаманно для вітчизняних джерел), так й з ідеологічних міркувань (що притаманно для польських джерел).

Ключові слова: західнорусизм, Польща, Північно-Західний край, Російська імперія, католицизм, православ'я

The less known aspects of activity of zapadnorusizm stalwarts, ethnic Polish Catholics, on Polish territory and the North-Western region of the Russian empire are highlighted, among those. As zapadnorusizm ideology is tightly tied with Orthodox and pro-Russian desires of North-Western region populace, the participation of Polish intelligentsia in this politic and ideological move is kept almost untouched in Polish, Russian, Ukrainian or Belorussian sources. It is so either because of insufficient studies about this nuances (characteristically for the domestic sources) or of ideological causes (characteristically for Polish sources)

Keywords: zapadnorusizm, Poland, North Western region, Russian empire, Catholicism, Orthodox

Объектом исследования является генезис восприятия западнорусской идеологии частью польской интеллигенции Северо-Западного края Российской империи

* член экспертной команды внешнеполитического издания «Международная жизнь», аналитик Центра консервативных исследований МГУ им. Ломоносова

Предметом исследования выступает культурно-политическая деятельность польских интеллектуалов пророссийской направленности в Северо-Западном крае

Цель и задание исследования заключаются в тщательном обзоре наиболее известных фактов участия поляков-католиков в базирующемся на православных основах и панрусских принципах движении западнорусизма, обозначить внутренние социокультурные механизмы, обусловившие политико-идеологический выбор поляков западнорусистских взглядов. Для достижения поставленной исследовательской цели видится целесообразным осветить следующие моменты в истории западнорусского движения Северо-Западного края:

- хронологические этапы становления западнорусской идеологии на землях, принадлежавших попеременно, Речи Посполитой и Российской империи;
- обозначение теоретико-практических предпосылок для формирования умеренно западнорусских взглядов в среде части польской интеллигенции;
- взаимоотношения православного и католического элемента в регионах русско-польского пограничья;
- объём и интеллектуальная ценность вклада поляков в западнорусскую мысль.

Духовно-политическое течение западнорусизма, оставившее впечатляющий след в общерусской историографии, сегодня вновь набирает популярность, особенно в Белоруссии, где самым заметным ресурсом, посвящённым западнорусской мысли, является информационно-просветительский портал «Западная Русь» [1]. Белоруссию принято считать колыбелью западнорусизма, на ниве которого долгие годы трудились такие известные науке личности, как Е. Карский, М. Коялович, П. Жукович, К. Харлампович. Одним из самых ранних авторов основополагающих идей западнорусизма принято считать епископа Георгия Конисского (1717-1795), архиепископа Могилёвского, Мстиславского и Оршанского, выходца из служилого малороссийского рода. О значимости вклада Георгия Конисского в дело духовного окормления православной паствы свидетельствует факт его канонизации в 1993 г. (причислен к лику местночтимых святых Белорусского экзархата Русской православной церкви).

Деятельность Георгия Конисского неотделима от западнорусской идеологии. Его епархия находилась на территории Польши, а его духовно-просветительская деятельность вызывала неодобрение у польских властей, поскольку Георгий Конисский выступал за укрепление православной идентичности населения малороссийских и белорусских земель, входивших тогда в состав Польши, и его ориентации на Россию. Видение Георгием Конисским цивилизационного пути, которым следовало бы идти малороссам и белорусам, было более актуально для тех земель, которые позже получают название Северо-Западного края (современная Белоруссия и часть Литвы), где католическое присутствие ощущалось более всего. Культурно-политическая ситуация той эпохи представляла собой в данном регионе перманентное противостояние латинства (польско-католического элемента) и русскости (православно-русского элемента). Каждый из них придерживался собственного идеала религиозно-государственного устройства, о совместимости которых не было речи. Польское католичество, как и русское православие, служили духовно-цивилизационным выражением имперской государственной модели, Речи Посполитой и Российской империи, соответственно. Учитывая данный исторический контекст, неожиданно выглядит участие, пусть и ограниченное, в эволюции западнорусской идеологии представителей польского народа.

Следует понимать, что в условиях чересполосного проживания западнорусского (малороссы, белорусы) и польского населения в составе польского государства иногда не существовало жёсткой экстраполяции православный русский (под русским в данном контексте следует понимать белорусов и малороссов)/католик-поляк. В целом, польское население отличалось крепким чувством национально-католического патриотизма, сохраняя культурно-политическую дистанцию от православного населения, что особенно было характерно для высших общественных слоёв. В среде польского и западнорусского крестьянства факты эт-

нической трансгрессии, когда западнорус становился поляком, а поляк ассимилировался в православно-русскую среду, редкостью не были, хотя нельзя сказать, что этот процесс приобрёл крупные масштабы. Но крестьянство, особенно западнорусское, не было носителем национальной идеи, не будучи обращённым во внешний мир [2]. Поэтому смена национально-идентификационной модели здесь не удивляет.

Совершенно иначе относительно представителей польской интеллигенции, которые не рассматривали западнорусизм в качестве враждебной идеи. При этом свои взгляды они излагали, как поляки, не испытывая размытости национальных начал в силу долгого проживания в русско-православном окружении. Механизмы, обусловившие благожелательное отношение поляков-крестьян и поляков-шляхтичей к западнорусской идеологии, имеют разное происхождение. В случае с крестьянством мы имеем дело с отсутствием чётких и непроходимых этнических границ между двумя народно-религиозными компонентами. В случае с польской интеллигенцией речь идёт о политическом восприятии западнорусизма, как идеологии государства, в составе которого оказалась немалая часть польского населения (Российская империя). Такая трактовка подразумевала верность религиозно-национальным традициям польского народа с одновременной лояльностью к истории Западной Руси, как неотъемлемой части общерусской истории. Это можно рассмотреть на примерах.

Одним из наиболее известных представителей западнорусской мысли, общерусской по политическому смыслу, но традиционно нерусской (т.е. католической) по смыслу религиозному, можно считать первого католического архиепископа Могилёвского, впоследствии – члена Российской академии, Станислава Богуша-Сестренцевича (1731-1826). Его перу принадлежит одна из первых «Историй Западной Руси». С. Богуш-Сестренцевич отождествлял понятия «Западная Россия» и «Западная Русь». С. Богуш-Сестренцевич пытался ослабить контроль Ватикана над католической церковью в Российской империи, историю которой рассматривал как единое целое. Согласно ему, цельность России (Руси) была разорвана в ходе ожесточённых феодальных войн, когда более сильной на тот момент Литве удалось поглотить значительную часть исконно русских земель. Восстановление цельности общерусского государства, следовательно, предполагает воссоединение Западной Руси (Белоруссии) с остальной Русью (Великороссией).

Похожих взглядов придерживался польский этнограф и археолог Зориан Доленга-Ходаковский (настоящее имя Адам Чарноцкий). Не видя перспектив для возрождения Речи Посполитой, З. Доленга-Ходаковский воспринимает Россию, как свою родину. Не отрицая своё польское происхождение, З. Доленга – Ходаковский (1784-1825) вызывал нарекания со стороны польских патриотов, обвинявших его в отсутствии польского патриотизма. Причиной послужили его заявления, что на востоке сохранилось гораздо больше памятников славянства дохристианских времён, по причине отсутствия на этих землях католического гнёта, чем в ареале расселения западных славян [4]. Западнорусисты, тяготея к идее общерусского единства, высоко ценили литературные древнерусские памятники, как образчики общерусской истории, уходящей корнями вглубь веков. З. Доленга-Ходаковский посвятил свою жизнь собиранию, изучению и научному толкованию памятников славянской старины, прежде всего, русской, обосновывая их правопреемственность с современными ему устными народными преданиями и историей России. З. Доленга-Ходаковский исследовал ареал распространения западнорусских и великорусских говоров, их родственность и отражение на местной топонимике. Такая позиция не соответствовала базовым понятиям польского патриотизма, поскольку противоречила основным постулатам польской исторической науки (Западная Русь – это польская земля), предполагала сопричастность к культуре врага, и деятельность на её обогащение. Это подразумевало геополитическое усиление враждебной полякам стороны, т.е. России, поскольку русско-польское пограничье – это территория противостояния двух культур, двух типов цивилизации.

Поскольку на определённом этапе Западная Русь была неотъемлемой частью истории Великого княжества Литовского, данный период западнорусской истории находился в фокусе внимания исследователей тех времён. Принадлежность к польскому или русскому лагерю накладывала отпечаток на идеологическую направленность изысканий. Польские историки видели Великое княжество Литовское частью великой Речи Посполитой. Слияние Великого княжества Литовского и Польши в единую федерацию ознаменовало собой выход польского государства в разряд одного из самых могущественных европейских государств. Для польского патриотического чувства слияние Польши и Великого княжества Литовского считался путём к политическому могуществу в масштабах всей Европы. Соответственно, польская историография не могла «отдать» Великое княжество Литовское историографии российской.

Такой подход обусловил «войну фактов» между западнорусским и польским лагерем. Каждая сторона приводила собственные доводы в пользу своей версии того, какой этнический и культурный элемент играл большую роль в истории Великого княжества Литовского. С польской стороны действовал гениальный польский поэт Адам Мицкевич. Для него Польша – более широкое понятие, чем этнические польские территории. Позиционируя поляков, как народ-мученик, А. Мицкевич считал Польшей и, собственно, Польшу, и Литву, и Западную Русь [5]. А. Мицкевич не оставлял места западнорусской идеологии в своей версии истории Великого княжества Литовского, и сливал общенациональную идентичность с региональной. Польскость не противоречила, в его понимании, белорусскости и литовскости, а, напротив, вмещала их в себя, как более широкая этноимперская категория. Несмотря на то, что на культуру и государственную модель Великого княжества Литовского до его слияния с Польшей оказывал влияние западнорусский элемент, А. Мицкевич не рассматривал Западную Русь правопреемницей Великого княжества Литовского, отводя эту роль исключительно полякам, как католическому народу-миссионеру. А. Мицкевича можно считать главным оппонентом западнорусской мысли того времени. Отрицая у белорусов наличие сформировавшейся национальной идентичности, относя их к народам неисторическим, не обладающим субъектностью, А. Мицкевич в духе чаяний польской шляхты стремился предотвратить возвращение белорусов под видом западнорусизма к своим общерусским корням. Усиление западнорусских традиций в белорусах означало формирование субъектности белорусского этноса, как западной ветви единого русского народа. Если лишённого субъектности белоруса можно было сравнительно легко превратить в поляка, то белоруса, как западного русского, т.е. обладающего чёткой идентификацией и этнополитической субъектностью, ассимилировать в лоно польской культуры было гораздо тяжелее. В данном контексте можно утверждать, что западнорусизм служил орудием сохранения у белорусов присущих им традиционных форм религии и быта, предохранял их от поглощения польским элементом и окончательного в нём растворения.

Но в среде польских исследователей не все единодушно причисляли успехи Великого княжества Литовского исключительно Польше. Одним из таких исследователей был Юзеф Ярошевич, униатский священник. Согласно ему, западнорусское влияние проникло в политическую и культурную жизнь Великого княжества Литовского гораздо глубже, чем принято считать в польской историографии [6]. Крещение литовцев в католичество привело к расширению польско-католического влияния в стране, и предопределило цивилизационный выбор литовцев. Часть литовской знати, будучи православной, постепенно переходила в католичество, дабы сохранить за собой аристократические привилегии, и постепенно ассимилировалась в польское общество. Трактовка Ю. Ярошевича истории литовцев и западнорусского населения совпадает с мнением современного литовского академика Зигмаса Зинкявичюса о том, что крещение Литвы в католичество было уже повторным крещением [7]. Ю. Ярошевич подчёркивал, что возвращение русского языка во все сферы Западной Руси было бы возвращением этого региона к своим корням и давним интеллектуальным традициям. Интеллектуальное противостояние западнорусизма и польской идеологии вокруг исторического наследия

Великого княжества Литовського заключалось в спорах о том, какой цивилизации, русско-православной или польско-католической, следует отдать пальму первенства в деле формирования государственных и культурных институтов княжества. Положение польской стороны облегчалось тем, что в составе Речи Посполитой с её католическим гнѐтом практически не осталось представителей православной литовской аристократии, т.е. живых примеров взаимодействия литовцев и русских. От исхода этого спора зависел путь, каковым пойдёт Западная Русь – по пути благожелательного восприятия Речи Посполитой и её политики на западнорусских землях, с дальнейшим «уходом» в сферу влияния Польши, или же по пути возрождения своих общерусских традиций и сближения с остальной Русью.

Историю Белоруссии сквозь призму восточнославянских влияний рассматривал польский учёный Игнацы Кулаковский (1800-1860). По его мнению, причастность балтского (литовского) элемента к формированию культуры и государственных традиций Великого княжества Литовского было минимальным. По крайней мере, оно несравнимо по масштабу с влиянием русским. Славяно-русские племена, согласно И. Кулаковскому, издревле играли более важную роль в регионе, чем балтские. И. Кулаковский негативно оценивал воздействие польской культуры на культуру западнорусскую, усматривая в ней отчётливые элементы того, что в более поздние времена учёные определяют понятием аккультурации – приспособлением культурно угнетаемой части населения к новой культуре высшего иерархического порядка (в случае Великого княжества Литовского это – культура польская). По мнению И. Кулаковского, деполонизация и возвращения былого величия славяно-русским культурно-политическим элементам в жизни края пойдут во благо. Таким образом, просматривается явное соответствие научных взглядов И. Кулаковского, поляка-католика, убеждениям тогдашних западнорусистов, также отрицательно оценивавших культурное воздействие Польши на Западную Русь.

Как и западнорусисты, И. Кулаковский утверждал, что слияние Литвы с Польшей привело к искоренению местной богатой и глубокой славяно-русской культуры, включавшей в себя и самобытные балтские элементы. У И. Кулаковского Западную Русь населяют в качестве коренного населения не поляки, как у многих польских историков, а славяно-русы. Следовательно, если кто и имеет право на Западную Русь, так это её единокровная сестра Россия, к которой обращались симпатии белорусского народа в те времена, когда творил И. Кулаковский.

В одном ряду с И. Кулаковским следует упомянуть польского шляхтича Осипа Сеньковского (1800-1858), который также придерживался версии о превалировании славяно-русского элемента над балтским в истории Великого княжества Литовского. Это тем более удивительно, что О. Сеньковский был учеником Иоахима Лелевеля, известного деятеля польского национального подполья и сторонника возрождения Речи Посполитой, что выражалось в его подходе к изучению истории Польши и её соседей [8]. В отличие от своего учителя, О. Сеньковский видел в прошлом две Руси – Русь Литовскую, т.е. языческую, и Русь христианскую, монгольскую, т.е. порабощённую татаро-монголами. Под Русью Литовской О. Сеньковский подразумевал земли бывшего Великого княжества Литовского, в т.ч. Западную Русь. Разделение Руси на две части началось ещё со времён христианизации. Поскольку Литовская Русь сохраняла верность язычеству, все, кто не соглашался с христианизацией, уходил в Литву. Название «Литва», полагал О. Сеньковский, особенно устоялось, как отличительный маркер Руси христианской от Руси языческой. Он настаивал, что «литва» или литвины и, собственно, литовцы – это разные народы. Литвины – это славяно-русский языческий элемент, а литовцы – народ балтского происхождения, занимавший второстепенные позиции в Литовской Руси. У О. Сеньковского Литва до присоединения к Польше была той же Русью, но управлявшейся другой династией. Население Литвы и Руси было русским и по верованиям, и по политическому устройству, и по традициям быта [9].

Отметим, что сторонники западнорусской мысли никогда не заходили так далеко, как О. Сеньковский. Западнорусизм, как культурно-просветительское течение, сосредотачивался

исключительно на белорусах и малороссах, обосновывая их принадлежность к общерусскому племени, но никогда не рассматривал в этом качестве этнических литовцев, указывая лишь на степень культурно-политического взаимодействия литовцев и западных русских. Поляка О. Сеньковского можно назвать наиболее радикальным сторонником западнорусизма, но радикализм его касается, главным образом, истории литовского народа. О. Сеньковский отказывает литовцам в праве считать себя полноправными наследниками Великого княжества Литовского, поскольку участие литовцев в государственной и культурной жизни княжества было ограниченным.

Приверженность к западнорусскому движению предполагала ясное определение внешнего врага, т.е. Польши. О. Сеньковский, невзирая на своё шляхетское происхождение, врагом Западной Руси считал Польшу. Он же критично оценивает историческую роль Ягайло, принявшего польскую корону и крестившего литовцев в католичество. По мнению О. Сеньковского, приход Ягайло ознаменовал отказ Польши от политики Пястов (двигаться на запад, против немцев, оставив в покое Западную Русь), и добровольный уход Литвы с исторической арены. Не вошедшие в состав Речи Посполитой русские земли О. Сеньковский называл «свободной Русью», а Польшу обвинял в уничтожении культурной самобытности Литвы.

В дополнение отметим, что некоторые польские мыслители, не причастные западнорусской идеологии, выдвигали идею ориентации не только Западной Руси на Россию, но и всей Польши. Одним из апологетов данной теории был известный в Европе польский философ и математик Юзеф Хёне-Вроньский, автор термина «мессианизм». Он полагал, что славяне, особенно русские, как цельная этническая категория, призваны к исполнению высокой мессианской функции. В качестве двух колонн, на которых будет держаться мир, Ю. Хёне-Вроньский видел двух правителей – Римского епископа и Русского царя. В 1851 г. он изложил свои идеи в открытом письме русскому императору. Ю. Хёне-Вроньский благосклонно относился к монархическому строю, а в консервативном Священном Союзе континентальных держав – Пруссии, России и Австрии – усматривал орудие всечеловеческой миссии, противостоящее либерально-позитивистскому европейскому лагерю, к которому склонялась польская интеллектуальная мысль [10]. Мессианизм поляка Ю. Хёне-Вроньского – мессианизм славянофильский, это интеллектуальный переход от идеи России-Третьего Рима к идее польского мессианизма, где не отрицается историческая миссия Руси, а подчёркивается с ещё большей силой. Философское обоснование геополитических взглядов Ю.Хёне-Вроньского соотносится с видением роли России как одного из самодостаточных геополитических центров. В 1918 г. в Польше работал Мессианский институт, популяризовавший труды Ю. Хёне-Вроньского.

Выводы:

В ходе анализа исторических данных о принадлежности этнических поляков-католиков к западнорусскому движению, и их интеллектуального вклада в исследования истории Северо-Западного края обращает на себя внимание скептическое восприятие упомянутыми авторами теории о положительной функции польского мессианизма в отношении Западной Руси – стержневого тезиса польской политической культуры. Опровержение цивилизационной миссии поляков означало смену культурно-политической парадигмы авторов подобных взглядов. Но в случае с упомянутыми польскими интеллектуалами речь идёт не об этнической трансгрессии, а о двойственной идентитарной модели, включающей в себя культурное и политическое измерение. С. Богуш-Сестренцевич, И. Кулаковский, З. Доленга-Ходаковский, О. Сеньковский не пренебрегали своей польскостью, оставаясь поляками и по воспитанию, и по языку, и продолжая себя комфортно чувствовать в лоне польской культуры. На их культурную идентификацию наслаивалась идентификация политическая, сформировавшаяся в условиях проживания русско-польского пограничья, когда Российской империю они рассматривали в качестве своей второй родины или государственного образования, в рамках которого им придётся жить и творить.

Здесь можно провести параллель с австрийскими поляками, которые проявляли заметную лояльность к Габсбургам, и считались вполне благонадёжными подданными империи польской национальности.

Похожий подход исповедовали многие польские патриоты, склоняя население Северо-Западного края к лояльности Польше, выдвигая тезис «русинский народ польской национальности», когда русинство, даже православное, рассматривалось как составная часть польского государства и польской культуры.

Список использованной литературы:

1. <http://zapadrus.su/>
2. Загорнов А. Белоруссия второй половины XIX века как пространство национального взаимодействия / Александр Загорнов // режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/158-2012-09-17-13-48.html>.
3. Марзалюк І. Вытокі беларускага заходнерусізму і літвінізму / Ігар Марзалюк // Беларуская думка. – 2012. – №8. – С 53-59.
4. Прийма Ф. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве» / Фёдор Прийма // ТОДРЛ. — 1952. — Т. 8. — С. 71—92.
5. Mickiewicz A. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego / Adam Mickiewicz. – Paryż, 1832. 53 с.
6. Jaroszewicz, J. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII // Jozef Jaroszewicz. Cz. 2. Ę Wilno, 1844.
7. Zinkevicius, Z. Krikriionyblys iptakos Lietuvoje: Rytų krikriionyblys vardyno duomenimis / Zinkevicius Zigmās – Vilnius: Katalikų akademijos leidykla, 2005. – С. 76-77, 85-86.
8. Lelewel J. Histoire de Pologne / Joachim Lelewel. – Paris, 1844. 410 с.
9. Сеньковский О. Литва, Свитригайло и Коцебу. По поводу книги: Свитригайло великий князь литовский, сочинение Августа Коцебу. 1835/ Осип Сеньковский. – Спб., 1859.
10. Hoene Wrocski J. Prolýgomines de messianisme ou le destin de la France, de l'Allemagne et de la Russie / Jozef Hoene Wrocski – Paris, 1843. – 548 с.